

А Р Е Т Э.

Разсказъ Макса Гохдорфа.

Изъ сборника *Max Hochdorf: „Dunkelheiten“*.

I.

Христо и Аретэ.

Христо кормился тѣмъ, что въ кофейняхъ и трактирахъ пѣлъ пѣсни, подыгрывая себѣ на гитарѣ, а его пріятельница, Аретэ, усердно ему въ томъ помогала. Оба выросли безъ заботы и ухода, какъ дикіе цвѣты. Онъ игралъ и пѣлъ. Она чирикала въ тонъ и собирала въ шапку мѣдныя монеты. Она была молода; въ ней только просыпалась женщина. Онъ былъ старый, косматый и морщинистый, какъ фи́га изъ Каламаты.

Надъ греческой землей спустилась сіяющая звѣздами осенняя ночь, такая теплая и нѣжащая, словно дѣтскія ручки свѣяли прочь до послѣдней пылинки все, что могло бы затруднить дыханіе. Вдобавокъ, сквозь вершины деревьевъ выглядывалъ мрачно-блѣдный ликъ луны. На площади Согласія въ Аѣйнахъ лунный свѣтъ, проскользнувъ межъ перистыхъ верхушекъ пальмъ, лежалъ широкой полосой на лужайкѣ. Только луна и казалась довольной въ этой сумятицѣ людей, толпившихся на площади подъ ея блѣднымъ свѣтомъ. Ея спокойствія не нарушали пронзительно вопившіе газетчики и крикливые завсегдатан кофейенъ, которые, жестикулируя, необычайно горячо спорили о пустякахъ.

Двоихъ только не удавалось ей найти. Они укрѣлись отъ нея во мракѣ и сидѣли, плотно прижавшись другъ къ другу—Христо и Аретэ. Этимъ было весело и въ одиночествѣ. Имъ никого не надо было, кромѣ ихъ самихъ. Они почти не видѣли другъ друга, только чувствовали.

Она вынимала изъ кармана и одну за другой передавала

своему другу монеты, а Христо ихъ ощупывалъ и осторожно складывалъ въ красный носовой платокъ. Потомъ, когда у нея денегъ больше не осталось, завязалъ платокъ двумя крѣпкими узлами.

— Ты хорошо сегодня пѣла, Аретэ. У тебя голосъ теперь сталъ очень звонкій.

— Ты доволенъ мной, Христо? Еще бы мнѣ теперь не пѣть звончѣй и лучше прежняго. Я вѣдь нашла чудо-чудное, диво-дивное—нашла себѣ милаго.

— Что такое?... Милаго, говоришь?

Аретэ нагнулась вплотную къ старику и шепнула ему что-то на ухо. Онъ сидѣлъ растерянный и только головой качалъ. Потомъ промолвилъ не то съ упрекомъ, не то съ горечью:

— Правильно, Аретэ, такъ и надо: я на старости лѣтъ поглупѣлъ, а ты дѣвчонка красивая; на тебя всѣ заглядываются, словно на королеву какую; такъ и надо, Аретэ; теперь ты можешь выбирать, а съ Христо плохо дѣло. Состарился онъ, одряхлѣлъ. Пальцы костенѣютъ и не поспѣваютъ за тобой, когда ты заливаешься, какъ птичка.

Дѣвушку въ жаръ бросало отъ такихъ рѣчей. Она вовсе и не думала ничего такого. Развѣ нельзя имѣть милаго и оставаться съ Христо, вѣрнымъ товарищемъ и другомъ, къ которому она привыкла, какъ къ табачному дыму въ гостиницахъ и кофейняхъ? Что онъ такое выдумываетъ? Ей это и въ голову не приходило. А теперь онъ навелъ ее на всякія чудныя мысли.

— Христо,—говорила Аретэ,—студенты вѣдь добрые и веселые. Что ты такое болтаешь? И богатые—значить, деньги будуть. Чего ты разворчался? Развѣ плохо имѣть милаго?

Она высвободила свою руку изъ его руки и невольно отодвинулась. Но Христо показалось, что онъ ей противенъ, и онъ опечалился.

— Что ты отъ меня отодвигаешься, Аретэ? Сиди, какъ сидѣла! Да говори же что-нибудь... что ты такъ притихла? Мнѣ боязно, когда я не слышу твоего голоса.

Каждое слово вырывалось у него, какъ вздохъ. Но у Аретэ вовсе не было охоты грустить и потому она почти не слушала его. Она не сжалилась надъ бѣднымъ Христо, когда увидѣла, что онъ дрожитъ, и не осталась съ нимъ въ угоду ему. И луна, должно быть, разсердилась на забытаго—такъ насмѣшливо и злобно засвѣтила ему прямо въ глаза, что онъ вскочилъ на ноги.

— Куда ты, Аретэ?

— Домой, къ своему милому...

— Ты останешься здѣсь!

— Ну вотъ еще! Что это за новости? Чего ты хочешь отъ меня? Я не раба твоя.

И она убѣжала. Проплыгнула черезъ площадь и скрылась въ одномъ изъ плохо освѣщенныхъ переулковъ. Напрасно Христо кричалъ и звалъ ее. Онъ былъ одинъ.

Съ трудомъ поплелся онъ, такъ быстро, какъ только это позволяли ему его слабыя силы, и обшарилъ всѣ закоулки площади—не найдетъ ли гдѣ бѣглянки. Проходя мимо домовъ, онъ заглядывалъ въ каждую нишу, въ каждый уголокъ. Друзей и знакомыхъ видѣлъ много, но Аретэ, очевидно, проводила время въ болѣе веселомъ обществѣ. Горбатая Катерина кошачьими глазами уставилась на него изъ своей берлоги. Ему захотѣлось дать ей пинка ногой.

— Христо, не найдется ли у тебя *кулури* (кренделька)? Поѣсть охота. Плохо стало жить на свѣтѣ—ничего не подаютъ.—Она подалась впередъ, словно собираясь кинуться на добычу.—Ты одинъ, Христо? А дѣвчонка гдѣ же? Панагія Теаму! (Пресвятая Богородица) славная у тебя дѣвчонка. Пришли-ка ты ее когда-нибудь ко мнѣ, братикъ. Если она умна, у меня она можетъ кое-чему научиться.

Она совсѣмъ близко придвинулась къ Христо.

— Динь-динь, Христаки, гдѣ ты откопалъ свою царевну?

У бѣднаго Христо потемнѣло въ глазахъ. Онъ убѣжалъ, чтобы не слушать. А старуха каркала ему вслѣдъ:

— Пришли ко мнѣ свою царевну.

Христо жилъ не одинъ. Въ старомъ турецкомъ кварталѣ, гдѣ и посейчасъ стоитъ мечеть, превращенная въ товарный складъ, онъ снималъ полкомнаты у Мицо. И жили они всѣ вмѣстѣ: Христо, Аретэ, Мицо и его двѣ козы. И всѣ пятеро отлично ладили между собою. Мицо днемъ никогда не бывало дома. Со своими козами онъ бродилъ по улицамъ, торгуя лукомъ, фасолью, виноградомъ и мандаринами. Козы, позвякивая бубенчиками, съ большимъ достоинствомъ несли свою драгоценную ношу; когда у хозяина бойко шла торговля, онъ радовался и выражалъ свою радость довольнымъ блеяньемъ.

— Христо, ты? А дѣвчонка гдѣ же?

Дѣвчонка! дѣвчонка!

Вопросъ Мицо кольнулъ старика въ самое сердце. Слова горбуни еще звучали у него въ ушахъ. Вотъ такъ и всѣ будутъ приставать къ нему съ разспросами, а онъ можетъ отвѣтить только:

„Нѣтъ ея—ушла къ своему милому“. Христо сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, и тихонечко усѣлся въ уголокъ.

— Вы что, поссорились? Упряма она у тебя, но зато и красива, ахъ, красива! Точно лѣсная вѣдьма.

Мицо не былъ поэтомъ, и у него нехватало фантазіи придумать лучшее сравненіе. Но, разъ ужъ онъ раскрылъ ротъ, надо же договорить до конца. И, высказавшись, онъ отплюнулся. Пусть, молъ, Христо скажетъ лучше. Но у того было другое на умѣ: онъ напряженно прислушивался. И, наконецъ, не владѣя собою отъ нетерпѣнія, всталъ. Мицо видѣлъ по лицу его, что у пріятеля какая-то напасть, и сгоралъ отъ любопытства. Но разглагольствовать онъ былъ не мастеръ и, чѣмъ самому спрашивать, предпочиталъ ждать, пока ему скажутъ. Наконецъ, Христо спросилъ:

— Ты самъ-то не видалъ дѣвчонки?

Мицо сморщилъ лобъ и высоко поднялъ брови надъ блестящими глазами. На собственномъ діалектѣ Мицо это означало: *нѣтъ*. Христо понялъ, что, значить, не о чемъ его и спрашивать. Онъ молился своей покровительницѣ, святой Варварѣ Дафнійской, клалъ кресты и земные поклоны. Но на этотъ разъ святая не хотѣла услышать его молитвы. И, видя, что ничто не помогаетъ, онъ заплакалъ, зарыдалъ такъ, что козы со страху заблеяли, и Мицо, задремавшій было, проснулся.

— Что съ тобою, Христо? Что тебѣ привидѣлось во снѣ? Ты воешь, какъ...—Онъ опять не могъ придумать сравненія. А Христо только и надо было выплакать кому-нибудь свое горе; онъ взвылъ еще громче, такъ что и сосѣди услышали.

И съ любопытствомъ пришли взглянуть, въ чемъ дѣло: и Ставро, торговавшій на рыбномъ рынкѣ жареными каштанами—въ тѣ дни, когда онъ не лежалъ въ больницѣ и не харкалъ кровью,—и шарманщикъ Яни, бродившій по городу со своимъ ящикомъ, клянча милостыни, и Якомина, опытная женщина, всегда знавшая, когда дѣвушкѣ пришла пора любить. Она давно уже закинула глазокъ на Арегу, и у нея сердце разрывалось, что такая красotka пропадаетъ даромъ у стараго ворчуна-гитариста Христо.

Теперь они всѣ стояли передъ рыдающимъ старикомъ—Мицо посреднѣ, выпучивъ отъ изумленія глаза. Якомина заговорила первая. Была она маленькая, худенькая, и слова слетали съ ея устъ легче пуха. Когда ей надо было человѣка расположить къ себѣ, она умѣла говорить съ нимъ вкрадчиво и нѣжно, но умѣла и ранить словомъ, какъ острымъ мраморнымъ осколкомъ. На

Христо она давно уже точила зубы, завидуя ему изъ-за красавицы Аретэ, для которой она знала занятіе получше, чѣмъ распѣвать пѣсни въ кабакахъ подъ аккомпанементъ дрожащихъ пальцевъ старика.

Теперь настала ея часъ—она угадывала, что случилось. Она стала передъ Христо и съ издѣвкой засмѣялась ему прямо въ глаза.

— Что, братъ? Потерялъ свое сокровище? Измѣнила тебѣ твоя Аретэ? Слишкомъ ты, должно быть, холоденъ для нея и колючъ. А ты смотри за ней получше, за ручку ее держи, чтобъ не убѣгала. Ну да ничего, придетъ—соскучится по тебѣ. Ты вѣдь чистенькій, пригожій. Вернется, говорю, не плачь.

Мицо и Ставро, и Яни хохотали во все горло—вѣдь этакая выдумщица эта Якомина!—умѣетъ насмѣшить. И разумѣется, Христо думалъ, что они всѣ правы, разъ они всѣ смѣются. Вѣдь, иначе они не смѣялись бы. Онъ не смѣлъ глазъ поднять, такъ онъ былъ униженъ и убитъ. Ему одно кажется хорошо,—имъ—совсѣмъ другое. Всѣ думаютъ не такъ, какъ онъ. Неужто же онъ, глупый Христо, умнѣе всѣхъ людей? Якомина говорила такъ красиво. Только для него ея слова—отрава. Но онъ не смѣетъ ничего сказать... И онъ, глотая слезы, теръ кулаками глаза до тѣхъ поръ, пока они не распухли и не покраснѣли. Онъ видѣлъ, что Якомина ему не переговорить—она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ—и, думая, что она знаетъ, гдѣ Аретэ, сталъ молить ее:

— Милая госпожа Якомина, не знаешь ли ты, гдѣ моя дѣвчонка? Дай Богъ тебѣ здоровья, золотце, скажи, дай Богъ тебѣ здравствовать много лѣтъ.

— Гдѣ-жь ей быть? Ужъ навѣрное цѣлуется теперь съ какимъ-нибудь королевичемъ.

И опять Мицо, Яни и Ставро покатались со смѣху. Веселая баба эта Якомина! Ставро такъ смѣялся, что у него даже потъ выступилъ на лбу и онъ едва не задохся отъ кашля. Яни хлопалъ его ладонью по спинѣ; Мицо далъ пинка ногой козѣ, подопедевшей слишкомъ близко. А Якомина радовалась, и чѣмъ боязливѣй и приниженнѣй обращался къ ней Христо, тѣмъ веселѣе становилось у нея на душѣ. Она нагнулась, заглянула ему въ плачущія очи и еще пуще развеселилась,—такъ они были печальны. И на радостяхъ пустилась плясать и скакать по комнатѣ. Подхватила Мицо и закружилась съ нимъ. Христо съ каждой минутой становился все мрачнѣе, а Ставро, Яни и госпожа Якомина совсѣмъ разошлись, взялись за руки и, какъ дѣти, закружились въ хороводъ, дергая и толкая другъ друга.

Христо же поднялся со стула, опустился на колѣни и началъ молиться, сложивъ руки на груди и низко опустивъ голову, чтобъ не видѣть всего этого безобразія. Онъ не рѣшался проклинать дурныхъ друзей. Только раскачивался изъ стороны въ сторону, по временамъ вскидываясь всѣмъ тѣломъ и съ крикомъ моля Бога, чтобъ Онъ вернулъ ему Аретѣ. Не богата словами была его молитва, но въ каждомъ словѣ выливались тысячи чувствъ и жаркихъ моленій. И въ то время какъ другіе, позабывъ все на свѣтѣ, хохотали, топали ногами, кричали и пѣли похабныя пѣсни, силясь перекричать другъ друга, Христо, врываясь диссонансомъ въ эту четверку веселыхъ голосовъ, только взывалъ „Аретѣ!“ то съ безмѣрнымъ отчаяніемъ, то съ проблемскомъ надежды, то съ яростью, то чуть слышно, голосомъ, полнымъ изнеможенія.

И среди всего этого шума, неожиданно, словно чудо, вошла сама Аретѣ. Никто не видѣлъ, какъ она вошла,—такъ каждый былъ захваченъ своимъ,—и замѣтили ее только тогда, когда она схватила за полу чахоточнаго Ставро, двигавшагося только по инерціи, какъ заведенная машина. Всѣ усталились на нее. Якомина перекрестилась—она была суевѣрна—точно такъ же Ставро, Яни и Мицо. И тутъ только дѣвушка увидала стоявшаго на колѣняхъ Христо, поглощеннаго своей молитвой.

Аретѣ схватила его за плечо.

— Христо! Что ты дѣлаешь? Ты съ ума сошелъ!

Христо услыхалъ голосъ Аретѣ, твердо увѣровалъ, что Богъ послалъ ему милость, и быстрѣе молніи очутился на ногахъ. Его словно подбросило отъ возбужденія. Онъ, навѣрное, въ жизнь свою никого не цѣловалъ. Едва ли и зналъ, какое счастье въ поцѣлуѣ. Но тутъ на него словно что нашло. Дѣвушка представилась ему ангеломъ Божьимъ, и онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь, цѣлуя ея волосы, глаза, уста. Аретѣ вырывалась и не могла вырваться,—такъ крѣпко онъ держалъ ее.

Изъ беззубаго старческаго рта на нее вѣяло запахомъ тлѣнія; она задыхалась въ объятіяхъ Христо. Сосѣди оторопѣли и стояли, какъ прикованные, вообразивъ, что въ Христо вселился самъ дьяволъ. Якомина первая набралась храбрости и отняла у Христо дѣвушку; Аретѣ, вся красная, съ плачемъ плюнула ему въ лицо. Но онъ не обратилъ вниманія на плевокъ, онъ видѣлъ только слезы въ глазахъ своей Аретѣ. У него болѣло сердце за нее, и онъ нѣжнѣйшимъ голосомъ допытывался:

— Ты устала, моя пташечка? Набѣгалась? Притомила ножень-

ки? Соскучилась по Христу? Ну, ну, не надо, успокойся, душевненька моя, сохрани Панагія твои глазыньки.

Аретэ вся облилась румянцемъ, слыша такія слова отъ Христу, и могла только выговорить:

— Глупый Христу!

Христу на радостяхъ и не разслышалъ слова: „Глупый“. Слышалъ только, что она сказала: „Христу“, а вѣдь Христу—это онъ, и она говоритъ съ нимъ и стоитъ передъ нимъ живая—та, о комъ онъ молился. Якомина отвела дѣвушку въ сторону. Христу увидалъ это и опять обезпокоился, какъ бы не вышло чего дурного. И вскинулся на злую женщину:

— Чего тебѣ надобно отъ дѣвки? Оставь ее въ покоѣ. Это моя дѣвка.

— Да она тебя терпѣть не можетъ. У нея есть милый, получше тебя, пригожій и богатый.

Она стояла передъ Христу, упершись руками въ бока, и хотала ему въ лицо, шипя, какъ змѣя. Христу всегда боялся ея, но тутъ онъ набрался духу и гнѣвно, насколько умѣла гнѣваться его кроткая душа, крикнулъ непрошеннымъ гостямъ:

— Убирайтесь отсюда, сволочь! Аретэ хочетъ спать.

А Аретэ и не думала хотѣть. Она еще не остыла отъ радостнаго возбужденія и крикнула:

— Я пѣть хочу. Играй, Христу.

Мицо собирался что-то сказать, но раздумалъ, когда Аретэ подала Христу гитару. И Христу, бѣдный Христу, глупый Христу, сталъ настраивать гитару, такъ какъ этого хотѣла его дѣвочка. Не раздумывая долго, онъ спѣшилъ исполнить ея желаніе. Якомина крикнула: „Отравленную“, и всѣ остальные послушно стали требовать „Отравленную“. Всѣ усѣлись на полъ, гдѣ кто стоялъ. Пѣсню эту они не разъ уже слышали и всегда плакали отъ умиленія. Веселая Якомина особенно любила ее и, какъ разъ, когда развеселится, настойчиво требовала этой пѣсни, чтобъ поплакать.

Христу ударилъ по струнамъ, и Аретэ запѣла. Она стояла, выпрямивъ станъ, уронивъ руки вдоль тѣла. Голову слегка закинула назадъ; очи съ недвижнымъ взглядомъ широко раскрыла. Потомъ вздохнула и запѣла, медленно и протяжно, пѣсень воспоминаній, въ которой каждый звукъ—словно отзвукъ былого, увядшаго, забытаго—пѣсню объ „Отравленной“, о дѣвушкѣ, которая спѣла всѣ пѣсни и не хочетъ пѣть только одной—о блѣдной дѣвушкѣ, которая не снесла позора и людскаго суда и приняла ядъ. „Одинъ лишь стаканчикъ—и обрѣтешь ты покой“.

„Дайте покой ей. Въ день воскресеній выйдетъ она на божественный свѣтъ—блѣдная, тонкія руки подыметъ—такъ она скажетъ предъ Божьимъ судомъ: „Господи, въ душу мою загляни Ты,—въ раны души загляни и скажи,—была ли чиста отъ земнаго грѣха я,—достойна-ль предстать предъ небеснымъ судомъ“. Блѣдная, тонкія руки вздымая,—такъ она скажетъ на Божьемъ судѣ.—Дайте-жь покой ей до дня воскресеній,—дайте ей спать, не будите ея“.

Христо взялъ два заключительныхъ мрачныхъ аккорда. Аретэ такъ и осталась стоять съ раскрытымъ ртомъ, беззвучно дыша. Якомина перекрестилась; Ставро такъ долго удерживался отъ кашля, что весь побагровѣлъ и теперь залился такъ, что трясся всѣмъ тѣломъ. Теперь, когда тишина была нарушена, всѣ вдругъ забыли про пѣсню и печаль и снова стали прежними, жившими между собой, какъ голуби или какъ кошка съ собакой—какъ имъ Богъ на душу положить—или на желудокъ.

Аретэ зѣвнула, и Якомина сама заторопила другихъ уходить. Она потащила за руку Ставро, едва оправившагося отъ страшнаго приступа кашля, а Яни поплелся за ними, мурлыча себѣ подъ носъ:

„Дайте ей спать, не будите ея...“

— Доброй ночи, Аретэ, доброй ночи, Христо, доброй ночи, Мицо.

Всѣ трое вышли. Но черезъ минуту Якомина еще разъ распахнула дверь, крикнула:

— Приголубь хорошенько королевича, Аретэ. Куй желѣзо, пока горячо. Не давай ему остыть.

И убѣжала.

Мицо задулъ накоптившую лампу, какъ всегда, не тратя словъ, но ясно показывая, что пора спать. Но Христо не находилъ покоя. Онъ все прислушивался и, когда услышалъ храпѣнье Мицо, ощупью подползъ къ Аретэ. Она тоже спала. Христо неясно видѣлъ ея лицо. Ему показалось, что на устахъ ея играетъ улыбка, и когда онъ ближе наклонился къ ней, у него стало такъ свѣтло на сердцѣ, словно губы дѣвушки просили его поцѣлуя. И онъ больше не удерживался...

— Помогите! Онъ убьетъ меня. Онъ хочетъ меня задушить.

Аретэ громко кричала и била кулаками по лицу растерявшагося Христо. Мицо проснулся и вознегодовалъ, что у старика Христо еще бываютъ *такія* желанія.

— Заткни глотку, дѣвка. Свиныя ты, Христо. Она лучшаго найдетъ, чѣмъ ты.

И сейчас же опять уснулъ. Христо не смѣлъ больше ка- саться дѣвушки. Онъ сѣлъ около нея на полу. И, чувствуя, что она еще не спитъ, сталъ просить, робко, смиренно, голосомъ, въ которомъ дрожали вся его любовь и преданность:

— Остаься со мной, Аретэ; не уходи отъ меня. Не огорчай такъ Христо! будь добра, моя пташечка; будь милосердна, зоренька моя!

Аретэ оттолкнула его ногой и перевернулась на другой бокъ.

Христо снова остался одинъ со своимъ безутѣшнымъ горемъ. Всѣ сговорились похитить у него дѣвушку, не считаясь съ тѣмъ, что безъ нея онъ будетъ, какъ растоптанный цвѣтокъ. Всѣ его молитвы Панагии не помогли... А сколько онъ молился!... Аретэ знать его не хочетъ и бѣгаетъ за другимъ. И мысль о томъ, что Панагии не угодна его молитва, а сосѣди въ глаза смѣются надъ нимъ, колола его, какъ гвоздями въ открытыя раны. Онъ слышалъ спокойное дыханіе спящихъ Мицо и Аретэ. Онъ не сердился на нихъ и не завидовалъ; онъ только терзался тоской и печалью.

Въ комнатѣ было тѣсно и душно. Христо казалось, что онъ задохнется здѣсь. И онъ неслышно прокрался наружу.

За нѣсколько часовъ Христо такъ измѣнился, какъ будто прошли года. Еще больше исхудалъ и сгорбился и въ теплую осеннюю ночь щелкалъ зубами, словно отъ зимняго холода.

Онъ шелъ, понутивъ голову, безъ цѣли, черезъ большую площадь, на которой живетъ король, мимо мраморныхъ домовъ съ золотыми фризамн. Еще много людей на площади слушали веселую музыку, вмѣстѣ съ сладкимъ дыханіемъ ночи волновавшую чувства. У женщинъ отъ этой музыки расширялись зрачки; мужчины глубже втыкали трости въ песокъ. Ночныя бабочки и моли летѣли на свѣтъ и умирали отъ наслажденія.

И бѣднота также силилась взять свою долю счастья. И, бродя отъ столика къ столику, прикалывала красивымъ дамамъ нарциссы къ безмятежной груди и зорко высматривала, не бросилъ ли кто мѣдной монеты. Разносчики во всю глотку выхваляли свой товаръ. А Христо среди всего этого оживленія бродилъ истерзанный и безучастный, ничего не видя и не слыша. Онъ крался мимо шумныхъ дворцовъ, мимо красивыхъ, богатыхъ домовъ. Изъ одного доносилось пѣніе. Пѣли „Отравленную“. Аретэ и барышня въ шитомъ злотомъ платьѣ— у обѣихъ одна и та же пѣсня. Одна потомъ уляжется на пуховой постели, на шелковыхъ подушкахъ, разливая около себя благоуханіе и счастье. А другая, его дѣвушка, прогнала его потому, что... потому что ей тоже хочется имѣть пуховую постель и шелковыя подушки.

Христо, собственно, никогда еще не слышалъ какъ слѣдуетъ этой пѣсни. Онъ всегда сопровождалъ и слѣдилъ только за своей игрой. И теперь она такъхватила его за душу, что онъ заплакалъ. „Бѣлыя, тонкія руки вздымая...“ донеслось изъ окна— и вдругъ пѣсня оборвалась... Христо сталъ на фундаментъ рѣшетки, чтобы заглянуть въ ярко освѣщенные окна, и увидалъ за роялемъ даму. Нагнувшись надъ нею, сзади стоялъ молодой человѣкъ и цѣловалъ ее въ лобъ. *Его* прогнали за то, что онъ хотѣлъ поцѣловать свою дѣвочку, а эта вонь—въ восторгѣ...

Бѣдный Христо! Ему хотѣлось выколотъ себѣ глаза объ острые прутья рѣшетки, чтобы не найти потомъ дороги обратно къ Аретѣ и ходить слѣпому по дворамъ, прося милостыни, и въ концѣ-концовъ зайти въ такое мѣсто, гдѣ вовсе нѣтъ людей, и издохнуть гдѣ-нибудь съ голоду, совсѣмъ одному, всѣми забытому... Но въ это время луна состроила ему насмѣшливую рожу, какъ бы говоря: „Не для тебя это. Неудачникъ ты, Христо. Тебѣ ни въ чемъ не везеть. Вотъ увидишь: тебя найдутъ и будутъ милосердны къ тебѣ, и будутъ кормить тебя“... Христо готовъ былъ стиснуть кулаки отъ злости,—такъ завидно ему было счастье тѣхъ двоихъ. Но онъ умѣлъ только любить, а ненавидѣть не умѣлъ, и потому поплелся дальше, еще болѣе унылый и удрученный.

За нарядными дворцами дорога идетъ въ гору, на вершину Ликабетто, гдѣ стоитъ церковь Панагини, охраняющей Аенны отъ болѣзней, когда портится вода. Дорога эта обсажена широколиственными агавами, а на поляхъ сбоку стоятъ молоденькія, теще-душныя елочки, словно хилыя дѣти.

Луна заглядывала во всѣ углы и щели и сквозь мокрыя отъ слезъ рѣсницы Христо въ его распухшіе глаза. Христо ни о чемъ не думалъ, и въ то же время въ душѣ его былъ цѣлый міръ мыслей. Если-бъ теперь ему повстрѣчался парень, крадущійся къ своей возлюбленной, онъ перекрестился бы и въ суевѣрномъ страхѣ сдѣлалъ бы огромный крюкъ, чтобы обойти это пугало.

Бѣдный Христо! ты внушаешь только страхъ дѣвушкамъ, распаленнымъ страстью, и статнымъ паликарамъ, которые въ другое время стоятъ, зазорно растопыривъ ноги и вызываяще закинувъ голову. А дѣвочка твоя теперь спитъ и грезитъ во снѣ о своемъ миломъ и милуетъ его на своей груди, а тебя оттолкнула, съ презрѣніемъ отпихнула ногой... Если-бъ она не сдѣлала этого, онъ не ушелъ бы изъ дому. Онъ надумался бы и нашелъ бы нужныя, ласковыя слова, рѣчи, которыя проникли бы ей въ сердце и заполнили его цѣликомъ, пока... Мимо, мимо!...

Онъ стоялъ у запертой церковной двери. И молился:

„Сладчайшая Панагія, Владычица, Мати Пресвятая. Ты вѣдь слышишь молитву и сквозь затворъ и желѣзо. Не отнимай у меня моей Аретэ! Я буду ее беречь и лелѣять, какъ Ты своего Сына...“

Въ мысляхъ онъ видѣлъ передъ собою Владычицу, смотрѣвшую на него изъ золоченой ризы брилліантовыми глазами, и золотая корона на ея головѣ слегка дрожала, какъ будто она наклоняла голову. Ея серебряныя руки были сложены на груди... Но вотъ переплетенные пальцы разжались, и одну руку, сладостную, какъ бальзамъ утѣшенія, она благословляюще возложила на его голову. А луна смотрѣла на него и ужъ не ухмылялась. И ночь смотрѣла, и колокола на сосѣдней башенкѣ съ недвижными языками. Луну ужъ, должно быть, клонило ко сну. Густыя рѣсницы ея то и дѣло смыкались, и она зѣвала, такъ широко раскрывая ротъ и надувая толстыя щеки, что вся окутывалась темнымъ паромъ дыханія.

Христо смотрѣлъ, и ему мерещилось, что тамъ, на лунѣ, стоитъ Аретэ и манитъ его къ себѣ.

— Услышь меня, Владычица! Возврати мнѣ Аретэ. Она уже на небесахъ. Какъ же мнѣ прійти къ тебѣ, Аретэ? Звѣздочка моя, душенька небесная! какъ же мнѣ добраться до тебя? ты такъ высоко. Ты говоришь—полетѣть? Хорошо. Я стану на стѣну. Поддержи меня, Марія, на небесныхъ крылахъ Твоихъ... Иду, иду, Аретэ!

И, шепча это, Христо ринулся въ бездну. И, падая, думалъ, что летитъ на небо. И, когда разбился тѣломъ о камни, душою былъ на лунѣ въ обителяхъ Панагіи.

II.

Ставро, Мицо и Яни стояли у открытой могилы Христо, и на душѣ у нихъ было тяжело и печально. Они плакали такъ, что у всѣхъ трехъ пораспухали глаза, и сокрушенно указывали другъ другу на Аретэ, которая стояла на колѣняхъ у могилы, безвольно бросая туда комочки земли. Отъ этого занятія оторвала ее госпожа Якомина. Госпожа Якомина была въ глубокомъ траурѣ. На ней было надѣто черное шелковое платье съ пышными буфчатыми рукавами. При каждомъ ея движеніи слышался тантвенный аристократическій шелестъ шелка, говорившій, какъ выгодно быть въ дружбѣ съ женщиной, которая можетъ покупать за наличныя такія дорогія платья.

Госпожа Якомина, перекашивая ротъ то вправо, то влево, на-

шептывала Аретэ, что она любить ее, какъ родную дочь, что она скорѣй дастъ отрубить себѣ палець, чѣмъ обидитъ чѣмъ-нибудь розовенькую, душистую, что персикъ, Аретэ,—но Аретэ и слушать не хотѣла.

— Аретэ,—говорила госпожа Якомина шепотомъ, чтобъ другіе не слышали, хоть они и наострили уши, — не будь дурой, Аретэ. Пойдемъ со мной. Вытри слезы, Аретэ, умойся; натри щечки розовой водой, чтобъ онѣ были румяныя, какъ яблочко, чтобъ твоему королевичу сладко было цѣловать ихъ. Что ты все: „Христо“ да „Христо“? Вѣдь не ты же свела его въ гробъ. Самъ онъ легъ туда, подталкиваемый своимъ безуміемъ. Господь покаралъ его за то, что онъ такъ долго томилъ тебя въ нищетѣ. Да приди же ты въ разумъ, Аретэ, послушай меня. Ты у меня царицей будешь жить. Я тебѣ вдѣну въ уши жемчужныя серьги и золотыми цѣпочками увѣшаю тебя. Аретэ, Аретэ! Ты слышишь, Аретэ?

Но Аретэ не слушала. Она ненавидѣла Якомину, хитрую, льстивую, нашептывавшую ей на ухо рѣчи соблазна. Она молила Спасителя, чтобъ Онъ не далъ ей впасть въ искушеніе и забыть, какъ она обидѣла бѣднаго Христо; ей хотѣлось ногой оттолкнуть отъ себя Якомину, эту проклятую сводницу. Дѣвушка вся дрожала отъ волненія, клялась мертвому Христо въ вѣчной вѣрности и вѣчномъ раскаяніи...

Но не прошло и недѣли со времени похоронъ Христо, какъ госпожа Якомина добилась чего хотѣла.

— Что пользы печалиться?—разсуждала Аретэ,—портить себѣ глаза и румянецъ слезами? Чѣмъ имѣть синіе круги подъ глазами, лучше носить золотыя кольца на пальцахъ и жемчужныя подвѣски въ ушахъ и быть радостью очей для богатыхъ молодыхъ барчуковъ, которые ходятъ за мною слѣдомъ и молятъ моей ласки.

Госпожа Якомина берегла Аретэ, какъ зѣницу ока. Аретэ купила ей еще много нарядныхъ шелковыхъ платьевъ—та самая Аретэ, которая когда-то собирала мѣдяки по трактирамъ. Чахоточному Ставро она купила цѣлое око чаю. Всѣ ее на рукахъ носили, въ глаза смотрѣли, не знали, какъ угодить—и Мицо, и Ставро, и вся компанія.

Такъ шло съ полгода, и всѣ они думали, что Аретэ сдѣлаетъ ихъ богачами, и они будутъ только роскошествовать, ничего не дѣлая. Они теперь только и мечтали, что о кованныхъ желѣзныхъ сундукахъ, гдѣ они будутъ хранить свое золото и государственныя бумаги съ такими крушными цифрами, что ихъ и не прочтешь.

Но Аретэ обманула ожиданія своихъ друзей.

Ей наскучили вѣчныя забавы, непрерывное веселье. Захотѣлось отдохнуть, побыть наединѣ съ самой собой, подумать... Нерѣдко, когда ей противъ воли приходилось быть веселой, а сквозь насильно вызванное радужное настроеніе пробивалась мысль о Христе, когда надо было смѣяться, а на сердцѣ такія копки скребли, что она готова была броситься на кровать, уткнуться головой въ подушки и рыдать безъ конца... у нея жестоко разстраивались нервы.

Она думала о томъ, что смѣшно и жалко тратить жизнь на то, чтобъ только притворяться веселой и радостной; но когда она довѣрчиво шепотомъ повѣдала свои тайныя мысли госпожѣ Якоминѣ, та высмѣяла ее и посовѣтовала ей выбить дурь изъ головы. И волей-неволей Аретэ пришлось одной вѣдаться со своею дурью.

Но этой затаенной муки она не выдержала и, когда ей стало уже совсѣмъ невмочь, она въ долгіе мучительные дни и въ бессонныя ночи стала думать, какъ бы ей спастись. И загрустила. Разогнала лучшихъ друзей своихъ, и госпожа Якомина добросовѣстно прилагала всѣ старанія, чтобъ оживить бѣдный сломанный цвѣточекъ.

Это она продѣлывала съ отчаянной настойчивостью до тѣхъ поръ, пока однажды утромъ не слегла въ постель, корчась отъ нестерпимой боли. Позванный врачъ констатировалъ отравленіе, и лишь черезъ нѣсколько недѣль поставилъ ее на ноги.

Госпожа Якомина всячески ругала и проклинала Аретэ. Ея друзья добродѣтельно негодовали и сконфуженно утѣшали ее, ибо всѣмъ имъ, такимъ добрымъ, что и паршивая собака внушала имъ состраданіе, пришлось пережить униженіе—быть свидѣтелями на судѣ, куда потащили Аретэ.

И тутъ, послѣ краткаго допроса, эта опасная дѣвица созналась, что это она приготовила ядъ и всыпала его въ супъ своей мучительницѣ, ангельски доброй Якоминѣ.

Такъ какъ она открыто созналась въ своей винѣ и не выказала никакого раскаянія, наоборотъ, высоко держала голову и гордо поглядывала сверху внизъ на Якомину, ей скоро пришлось раскаяться въ своемъ высокомеріи. Въ качествѣ уличенной и опасной отравительницы она была посажена на пять лѣтъ въ тюрьму.

Здѣсь у нея было достаточно досуга одуматься и все припомнить. Она вся предалась воспоминаніямъ и мечтамъ о томъ счастливомъ днѣ, когда ее освободятъ и она будетъ снова пѣть наперегонки съ птичками и сможетъ смыть съ себя всю грязь,

прилипшую къ ней въ домѣ госпожи Якомины. Пять лѣтъ подъяръ она жила лишь своимъ внутреннимъ міромъ, міромъ дивныхъ откровеній.

И чѣмъ ближе придвигался день, когда она должна была переступить порогъ тюрьмы и снова безраздѣльно принадлежать самой себѣ, тѣмъ крѣпче вращало въ ея душу горячее желаніе забыть, забыть и стать совсѣмъ иною, чѣмъ она была. Но что такое человѣческое желаніе?—Оно не сильнѣе пылинки среди морскихъ валовъ.

III.

Праведная Аретэ.

Выйдя изъ воротъ женской тюрьмы въ Аѳинахъ, Аретэ плотнѣй закуталась въ теплый шерстяной платокъ, ибо воздухъ мартовскаго утра былъ холоденъ и сыръ, и солнце еще не успѣло какъ слѣдуетъ прогрѣть его. Аретэ вся дрожала—впервые послѣ долгихъ лѣтъ она была на свободѣ. Глядѣла на солнце и не могла наглядѣться, пока слезы не полились изъ глазъ. Ахъ! быть на свободѣ, быть самой себѣ госпожею, не тосковать весь день-деньской по волѣ—какое счастье! Если-бъ она только знала, что ей дѣлать со своей свободой...

На душѣ у нея было такъ свѣтло. Пѣсня сама рвалась изъ груди. И она запѣла громко, и звонкая пѣсня понеслась межъ масличныхъ деревьевъ, которыми была обсажена дорога. Потомъ побѣжала, перепрыгивая черезъ камни, канавы и цвѣты, растущіе въ изобиліи у дороги, и бѣжала, пока не запыхалась и не согрѣлась. А тогда сорвала съ себя платокъ и принялась размахивать имъ по воздуху такъ весело, что торговцы на овощномъ рынкѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее, и даже лѣндивые продавцы жареныхъ каштановъ подбодрились и повеселѣли.

Только когда кто-то шутя бросилъ ей въ лицо пригоршню бобовъ, Аретэ пришла въ себя и замѣтила, что она уже не у стѣнъ Акрополя, а въ городѣ. Она сконфузилась и поскорѣй шмыгнула въ сосѣдній переулокъ, гдѣ оправила платье и кой-какъ пригладила растрепавшіеся волосы. Ибо она поклялась себѣ, что теперь она не допуститъ въ себѣ никакой распущенности и будетъ жить, какъ праведница. За пять лѣтъ сидѣнія въ тюрьмѣ она все время пламенно убѣждала себя, что ей необходимо и что она хочетъ бросить грѣховную жизнь. Теперь время искупленія и покающія миновало, начинается праведное житіе.

Внезапно рѣшившись, Аретэ поднялась на ближайшее крыльцо и постучала въ дверь. Ей крикнули: „Войдите“. Она вошла и увидѣла молодую женщину, которая мыла въ корытѣ ребеночка.

— Съ добрымъ утромъ, госпожа. Пошли Панагія все доброе твоему мальчику.

Юная мать вытерла барахтавшася мальчугана, завернула нѣжное тѣльце его въ простынку и положила его въ колыску, причемъ ребенокъ такъ кричалъ, что мать едва ли слышала слова привѣта. Только когда крикъ младенца перешелъ въ отрывистое всхлипываніе, и затѣмъ ребенокъ уснулъ, тогда только женщина повернулась къ Аретэ.

— Съ добрымъ утромъ. Чего тебѣ?

— Я хочу стать святою, госпожа.

Женщина торопливо осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, поцѣловала образокъ Богородицы, висѣвшій у нея на груди, и испуганно спросила:

— Чего ты хочешь? Стать святой?

Аретэ утвердительно кивнула головой.

— Я тебя не понимаю,—продолжала набожная мать.—Вся ты какая-то растерзанная, щеки твои пылаютъ. Откуда ты пришла?

— Не спрашивай меня, откуда я. Возьми меня къ себѣ, если можешь, и дай мнѣ пристанище.

Женщина сердито покачала головой.

— Развѣ ты не видишь, какъ бѣдно мы живемъ? У насъ еле хватаетъ на насъ самихъ; мы не въ состояніи держать прислуги.

Теперь только въ Аретэ поколебалась ея смутная увѣренность. Не отвѣтивъ ни слова, она повернулась и ушла. Очевидно, стать святой не такъ легко, какъ она представляла себѣ. Но, должно быть, она просто не туда попала. Вокругъ Псири живутъ преимущественно бѣдняки, а имъ, конечно, не подъ силу взять къ себѣ чужого человѣка, одѣвать и кормить его.

Она пойдетъ въ кварталы, гдѣ живутъ богатые, постучится въ блестящія металлическія двери. Вѣдь богатые такъ сострадательны: они ближе душою къ небесному милосердію, чѣмъ бѣдняки. Иначе они не были бы такъ богаты. Эти уже не оставляютъ ея своей милостью. Аретэ шла медленно, придумывая смиренную и вкрадчивую рѣчь, съ которой она обратится къ нарядной госпожѣ. Она шла черезъ площадь Конституціи, которая была еще безлюдна. Только двое *люстри* (чистильщики сапогъ) гонялись другъ за другомъ. Но Аретэ было не до игръ.

Солнце свѣтило теперь ярко, и солнечный свѣтъ ложился свѣтящимися брилліантовыми жлнками на мраморъ стѣвъ.

Аретэ была, какъ очарованная, отъ этого сказочнаго блеска. Въ тюрьмѣ всегда было темно. Кто скучалъ по свѣту, тотъ могъ только воображать его себѣ, закрывъ глаза. А здѣсь чистый небесный свѣтъ лился прямо въ жадно раскрытыя очи, проникая въ самую глубину сердца. И сердце еще сильнѣе билось, требуя чистой, благочестивой, праведной жизни.

Аретэ думала: богатые, должно быть, уже на землѣ ангелы Божьи, разъ имъ дозволено жить въ такихъ чудесныхъ мраморныхъ дворцахъ. Но тутъ же вспоминала знакомыхъ ей богачей, которые были очень дурными людьми, и не умѣла примирить этихъ противорѣчій. Все равно, она пойдетъ къ богатой и кроткой душой госпожѣ, падетъ передъ ней ницъ, униженная, какъ Магдалина передъ Христомъ, и скажетъ ей такъ: „Госпожа, я великая грѣшница, я предалась пороку“. И закроетъ глаза, чтобы не видѣть гнѣвнаго взора своей исповѣдницы, и будетъ слушать только внутренней голось, изъ глубины души шепчущій ей: „Скажи ей все; расскажи и о тягчайшемъ своемъ грѣхѣ, приведшемъ тебя въ тюрьму“. И, исповѣдавшись во всѣхъ своихъ грѣхахъ, она падетъ ницъ передъ госпожей и прижметъ къ губамъ край ея платья.

И, какъ Христось надъ мытаремъ, такъ добрая госпожа нагнется надъ ней, возьметъ ее за руку, подниметъ и велитъ служанкѣ принести ей чистыя бѣлыя одежды. И такъ, подъ вѣрною защитой начнется праведная жизнь, къ которой она стремится всѣми помыслами.

Хорошо было бы, если бы Пресвятая указала какимъ-либо знаменіемъ, гдѣ Аретэ искать своего счастья. Она возвела очи къ небу, но увидѣла только флюгеръ, весело вертѣвшійся на золоченой башенкѣ. И приняла это за желанное знаменіе.

Желѣзные рѣшетчатые ворота были только притворены, не заперты. На плитахъ преддверія была выложена мозаикой картина: лошадь съ человѣческой головою, центавръ, похищающій молодую женщину, которая вырывается и отчаянно бьется у него въ рукахъ. Аретэ суевѣрно отшатнулась. Языческая картина передъ домомъ, въ которомъ она хотѣла вести праведную жизнь. Неужели же она опять не туда попала? Нѣтъ, это Святая Дѣва только испытываетъ ее, чтобы провѣрить, вправду ли она, не на шутку, раскаялась. Она перекрестилась и обошла картину стороной. Потянула за ручку звонка и прислушалась. За дверью все было тихо. Аретэ позвонила еще и еще разъ. Наконецъ, вышелъ слуга, заспанный, полуодѣтый.

— Чего тебѣ?—сердито освѣдомился онъ.

— Мнѣ надо говорить съ твоею госпожей.

— Моя госпожа еще спитъ.

Вѣрно. Аретэ и забыла, что еще очень рано. Хорошая госпожа еще спитъ, и ангелы Божьи стерегутъ ея сонъ. Застѣнчиво и тихо она попросила:

— Не можешь ли ты разбудить свою госпожу? У меня очень спѣшное дѣло. Я должна безотлагательно поговорить съ ней.

Слуга смѣриль глазами дѣвушку съ ногъ до головы, съ тѣмъ зоркимъ вниманіемъ къ внѣшности, которое свойственно людямъ его званія, и разсмѣялся.

— Ты хочешь говорить съ моею госпожей? Да ты взгляни на себя. Ты думаешь, у моей госпожи только и дѣла, что разговаривать съ такими шлюндрами? Вѣдь ты вся въ сажѣ и въ грязи. Гдѣ ты такъ вымазалась и что тебѣ надо отъ моей госпожи?

Аретэ совершенно растерялась. Она могла только пробормотать:

— Ступай, *Афендаки му* (милый господинъ мой), и скажи твоей госпожѣ, что мнѣ очень нужно ее повидать. Ты только поди, ужъ она сама позоветъ меня.

— Да ты кто такая?

— Кто я такая? Аретэ, которая хочетъ стать праведной. Ты такъ и скажи госпожѣ, что ее дожидается Аретэ, которая хочетъ стать праведной.

Слуга громко расхохотался.

— Ахъ, вотъ оно что! Ты сумасшедшая. Ну, погоди же, вѣдьма, вотъ я возьму палку и проучу тебя, такъ будешь помнить, какъ изъ-за своихъ глупостей будить чужихъ людей.

Онъ грубо вытолкалъ дѣвушку и захлопнулъ за нею дверь.

Аретэ застонала, а душа ея молилась: „Зачѣмъ, о, Панагія, ты мнѣ велишь такъ долго ждать? Поди же Сама къ госпожѣ и скажи ей, чтобы она приняла меня въ домъ свой. Вѣдь мнѣ же нуженъ кровъ и пріютъ. Иначе я не могу стать Твоей. А мнѣ такъ хочется стать Твоей. Вѣдь и Ты тоже хочешь этого? Развѣ нѣтъ?“

Въ городскихъ церквахъ и часовняхъ зазвонили въ колокола къ утрени. „Что ты говоришь, Панагія? Еще не время? Но когда же, когда? Велишь мнѣ ждать здѣсь, пока меня позовутъ въ домъ?“

Густой, протяжный звонъ съ колокольни большого собора разносился по всѣмъ направлениямъ. Колокола поменьше звонко перезванивались въ тонъ. И Аретэ казалось, что сама Панагія

поеть ей пѣснь утреннюю и вмѣстѣ съ нею хоры небесныхъ ангеловъ. Въ прежнее время она подняла бы шумъ, насильно ворвалась бы въ домъ. Но теперь она даже не разсердилась, а только покорно сѣла на порогъ, дожидаясь, когда настанетъ время предстать ей передъ госпожей. Въ томъ же, что госпожа призоветъ ее къ себѣ и что за этими мраморными стѣнами ждетъ ее счастье, Аретѣ была крѣпко увѣрена. И, облокотившись головою на руку, она стала мечтать о томъ, какъ это будетъ, когда она омоется отъ всякаго грѣха и станетъ праведной.

Въ этихъ мечтахъ она уснула и проснулась только отъ грубаго толчка въ бокъ. Передъ нею стоялъ тотъ же слуга.

— Проваливай ко всѣмъ чертямъ. Чего ты тутъ торчишь? Убрайся отсюда, здѣсь намъ сумасшедшихъ не нужно.

Аретѣ вскочила на ноги.

— Госпожа твоя уже проснулась, *Аффендаки му?* Поди, скажи ей, что сама Панагія посылаетъ меня къ ней.

— Ахъ ты, с...а дочка, да въ тебя и вправду бѣсъ вселился. Прочь, говорю тебѣ.

Онъ грубо схватилъ Аретѣ за руку и выволокъ ее на улицу. Потомъ притворилъ рѣшетку и задвинулъ засовъ изнутри.

— Неужто же я не туда попала?—воскликнула Аретѣ.

— Нѣтъ, не туда,—расхохотался слуга.—Сумасшедшій домъ вонъ тамъ, возлѣ Патисси.

И отошелъ отъ воротъ.

Это было горькое разочарованіе. Но вѣдь путь къ праведности всегда усѣянъ терніями,—значить, нечего падать духомъ, какъ бы больно ни было ногамъ отъ колючекъ.

До самаго полудня ходила Аретѣ по домамъ богачей, ища себѣ пристанища. Солнце поднималось все выше и выше. Отъ жары потъ выступалъ на лбу. Пыль осѣдала на лицѣ и на волосахъ, придавая всему противный, запущенный видъ. И отовсюду ее гнали снова на полдневный зной. Никто не пожалѣлъ ея, никто не выслушалъ.

Аретѣ со злобой стиснула вѣски кулаками и затѣмъ изо всей силы ударила ими о желѣзную рѣшетку, такъ что кровь брызнула изъ разбитыхъ пальцевъ. Это облегчило ее. Ахъ, какъ облегчило, словно отбавило накипѣвшей жизненной силы. И не такъ уже ныло и горѣло сердце. Но всетаки грудь такъ палило и жгло внутри, что Аретѣ казалось, она сейчасъ умретъ. И, разумѣется, это было бы для нея самое лучшее.

Если Святая Дѣва не хочетъ знать ея, отталкиваетъ ее отъ себя, значить, она проклята и нѣтъ ей прощенія. Значить, ни-

когда уже она не можетъ стать святой и праведной. Въ такомъ случаѣ ей надо вернуться къ Якоминѣ... Нѣтъ, лучше смерть!...

Передъ университетомъ веселыми группами стояли студенты. Аретэ подкралась къ нимъ, но не нашла знакомыхъ. Впрочемъ, и то—вѣдь прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она кутила съ молодыми господами. Тогда у нея было гдѣ обогрѣться въ холодъ и гдѣ найти прохладу въ зной. А теперь... нѣтъ, нѣтъ, она не хочетъ думать объ этомъ...

Если-бъ только можно было убить воспоминанія!... Съ глубокимъ вздохомъ взмолилась она къ небу о томъ, чтобы въ ней умерла память о прошломъ. И, однако же, не могла оторвать глазъ отъ молодыхъ людей. И нарочно потерлась плечомъ объ одного,—можетъ быть, для того только, чтобы вдохнуть въ себя запахъ душистой воды, которой онъ сегодня умывался. Студентъ обернулся и бросилъ раскраснѣвшей, запыленной дѣвущкѣ мѣдную монету. Но Аретэ не протянула руки, и монета упала на землю.

Студентъ засмѣялся.

— Ты что же, не умѣешь ловить? Надо быть попроворнѣй.

И снова подбросилъ на воздухъ монету, которая со звономъ упала на камни. Аретэ, вся горя, напряженно слѣдила за каждымъ его движеніемъ. На мигъ у нея явилось желаніе, чтобы юноша положилъ ей руку на лобъ,—ей казалось, что тогда она немного успокоится. Но тотчасъ же она вся содрогнулась и бросилась бѣжать, какъ будто за ней гнались.

„Нѣтъ, нѣтъ! я хочу стать праведной“, твердила она себѣ и бѣжала по Университетской улицѣ къ площади Согласія.

Въ горлѣ у нея пересохло отъ жары и лихорадочнаго возбужденія. Но у нея не было ни гроша даже на то, чтобы напиться, и ни одинаго человѣка, который бы ей помогъ. Протянуть руку за милостыней, какъ вонъ тѣ старухи съ слезящимися, распухшими глазами, которыя клянчатъ о подачкѣ у каждой незакрытой двери?—Навѣрное, и ей кто-нибудь бросилъ бы монетку.

Она стояла теперь на одной ступени съ отвратительными калѣнками, съ хромыми и слѣпыми, съ сумасшедшими и оборванцами, питающимися благотворительностью богачей. Всѣ прочіе оттолкнули ее отъ себя—оставалось только смѣшаться съ этими отщепенцами. Но при этой мысли ей стало такъ противно, что она не могла рѣшиться: лучше ужъ терпѣть голодъ и жажду, чѣмъ принять на себя такое униженіе. Она была еще не совсѣмъ сломлена.

Она еще стояла, шатаясь, какъ тростникъ подъ вѣтромъ. Но

силы сопротивленія у нея оставалось ужъ не много. Куда дѣвалась гибкость ея движеній, плавная ритмическая поступь? Устало, едва волоча ноги, плелась она впередъ. Потомъ, выбившись изъ силъ, упала на скамью въ королевскомъ саду и мгновенно уснула.

Въ часы, когда спадаетъ зной, аэинская аристократія любить прогуливаться передъ стариннымъ храмомъ Зевса, въ бывшемъ паркѣ императора Адриана. Оттуда видно, какъ гаснутъ послѣдніе лучи заката на зубцахъ Пареенона, какъ солнце, словно истекая кровью, погружается въ море, а на небѣ громоздятся одинъ на другой огненные дворцы изъ облаковъ.

Вся городская нищета подъ вечеръ также выползаетъ изъ своихъ норъ и берлогъ. Въ часы, когда спадаетъ зной и вѣетъ вечерней прохладой, сердца умягчаются и люди охотнѣе подаютъ нищимъ.

Аретэ пробудилась, вся дрожа отъ холода. Раньше она такъ разгорѣлась отъ ходьбы и волненія, что ей казалось, все тѣло ея пылаетъ. А теперь вечерній вѣтеръ леденилъ ее. Если-бъ только у нея хватило духу, какъ другіе нищіе, вопить, бросаться поперекъ дороги и хватать за платье прохожихъ, чтобъ добиться отъ нихъ подачки!... Но ей было стыдно: она не смѣла сказать, что у нея языкъ прилипъ къ гортани отъ голода и жажды. Она все надѣялась, что Дѣва Марія сотворитъ для нея чудо. Только эта надежда и поддерживала ее.

Мимо нея шла парочка—оба молодые, красивые. Не замѣчая ничего вокругъ, они смотрѣли только другъ на друга, жадно впивая въ себя слова и взгляды, какъ пчелы медъ. Аретэ не могла оторвать глазъ отъ этой парочки—столько въ ней было радости и доброты. Навѣрное, это Панагія послала ей навстрѣчу эту юную чету, чтобъ оказать ей милость. Это—нѣжные и исполненные любви гонцы Дѣвы Маріи, которые должны привести ее къ Пречистой. Робко и смиренно надлежитъ ей приблизиться къ небеснымъ посламъ и облегчить имъ исканія.

Она вышла изъ-за лавроваго куста и подошла къ влюбленнымъ. И заглянула въ глаза господину и прекрасной госпожѣ. Можетъ быть, они и безъ словъ узнаютъ ее?... Но влюбленные были слишкомъ поглощены другъ другомъ и не обратили вниманія на трепетную дѣвушку.

Тогда Аретэ тихо выговорила:

— Возьмите же меня съ собой, не заставляйте долго ждать.

Отвѣта не было. Тогда Аретэ схватила за руку молодую госпожу.

— Я больше не могу!...—промолвила она дрожащимъ голо-
сомъ.

Молодая женщина слегка вскрикнула и выдернула руку, а спутникъ ея оттолкнулъ въ сторону навязчивую нищую.

Она простонала:

— Когда же, Панагія? когда же, наконецъ? Все еще нѣтъ?...

И еще безотраднѣй стало у нея на душѣ. Надежда умерла въ ней. Никакой опоры у нея больше не было, не было за что ухватиться; ей казалось, что все рушится вокругъ нея, рушится всякая надежда на спасеніе—она всѣми брошена, забыта, отвергнута и одинока.

Вечернія тѣни ложились на землю; улицы пустѣли. Лишь отдѣльныя влюбленныя парочки бродили при свѣтѣ всходившей луны. Душа Аретэ теперь совсѣмъ увяла. Она уже не думала о праведности; образъ Дѣвы Маріи поблекъ въ ея душѣ, вѣра въ возможность неба на землѣ угасла. Она сознавала только одно, что погибаетъ отъ голода и усталости. Если-бъ ей дали сытно поѣсть и выпить чего-нибудь укрѣпляющаго, она почувствовала бы себя, какъ въ раю.

Аретэ повалилась наземь и распростерла руки, взывая къ прохожимъ, какъ послѣдній шелудивый нищій:

— Умилосердитесь! Имѣйте жалость! Да пошлетъ вамъ Панагія, вашимъ дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей вашихъ все свѣтлое и радостное. Лишь удѣлите мнѣ крупицу милости, бросьте подачку отъ щедротъ своихъ!

Но теперь ужъ некому было слушать ее. Улицы точно вымерли. И ея мольбы раздавались напрасно среди ночной тишины. Только двѣ мѣдныхъ монетки бросили ей. Но на нихъ нельзя было насытиться.

И тутъ, пока Аретэ валялась въ пыли и молила напрасно, какъ какъ никто не слыхалъ ея моленій, въ ней сломлено было послѣднее сопротивленіе. Теперь на нее достаточно было подуть, чтобъ опрокинуть ее. И этимъ дуновеніемъ была бѣглая мысль,—раньше эта мысль была для нея страшнѣе смерти; теперь она ее вернула къ жизни—Якомина поможетъ ей.

Не помня себя, Аретэ помчалась къ хорошо знакомому дому и постучалась. Якомина сама отворила ей. Черты ея еще больше заострились, еще больше злости свѣтилось въ глазахъ; еще ядовитѣе стали рѣчи, которыми она способна была вынуть у чело-
вѣка душу, если этотъ человѣкъ былъ ненавистенъ ей. Въ темнотѣ она не сразу узнала Аретэ. Только когда дѣвушка заговорила, она вскинулась:

— Что тебѣ надо отъ меня?

— Пріюти меня, золотце, я устала до смерти и озябла. Я съ утра ничего не ѣла.

Якомина подошла къ ней ближе.

— Какая ты стала робкая, Аретэ! Слово нейдетъ съ языка. Словно дитя въ пеленкахъ. А прежде, бывало, какая была гордьячка, когда...

Аретэ зарыдала.

— Не поминай этого, госпожа Якомина. Я вѣдь за это пять лѣтъ отсидѣла. Будетъ ужъ тебѣ меня попрекать. Прости. Впусти меня поскорѣе. На улицѣ такъ холодно.

— Я тебя не выгоняла. Ты сама ушла, сама того хотѣла.

— Ты права, права. Но теперь имѣй состраданіе. Я пришл сюда, чтобы вымолить у тебя прощеніе.

Якомина засмѣялась.

— Вымолить у меня прощеніе? Я тебя не звала.

Аретэ протянула руки къ безпощадной женщинѣ. И при этомъ нечаянно коснулась ея лица. Та яростно накинулась на дѣвушку.

— Прочь руки! Не смѣй трогать меня. Ты, вѣрно, хочешь задушить меня. Пфуй! сколько на тебѣ налипло грязи.

— Чѣмъ же я виновата?—плакала Аретэ.—Я цѣлый день был на улицѣ. Прими меня къ себѣ. Ты увидишь, руки у меня опять станутъ мягки и бѣлы.

Якомина вспомнила былыя времена и нѣсколько смягчилась.

— Войди во дворъ; здѣсь въ темнотѣ я не вижу тебя какъ слѣдуетъ.

Мгновеніе Аретэ колебалась. Какъ молнія, въ душѣ ея снов блеснуло желаніе стать праведной. Если она переступитъ порогъ Якомины, путь спасенія для нея закрытъ навсегда. Но путь этотъ все равно надо оставить, ибо по немъ она никогда не дойдетъ до цѣли—только обезсилѣетъ окончательно, зачахнетъ и умретъ. А смерти она еще боялась. Для этого кровь ея была слишкомъ горяча, слишкомъ много желаній кипѣло въ груди.

Она стала во дворѣ, подъ фонаремъ. Якомина взоромъ зная тока оглядѣла свою бывшую любимицу. Долго соображала что то, высчитывала и прикидывала и, наконецъ, разочарованно покачала головой.

— Сколько времени ты тамъ просидѣла?

— Пять лѣтъ.

— Не можетъ быть. Навѣрно, больше.

— Нѣтъ, право же; ты сама вѣдь знаешь—всего пять лѣтъ.

— Всего пять лѣтъ! А ты такъ измѣнилась.

— Это только теперь такъ, госпожа Якомина. Ты подумай, что я вынесла. Дай срокъ, я снова...

— Нѣтъ, ты слишкомъ состарилась за эти годы.

Аретэ чувствовала, что и эта надежда ускользаетъ отъ нея. И, цѣпляясь за соломинку, пугливо и смиренно выговорила:

— Ты находишь, госпожа Якомина?

— Нѣтъ, нѣтъ, проваливай отсюда—ты мнѣ больше не годна. Чего тебѣ здѣсь надо?

— Попробуй, госпожа Якомина. Ты только накорми и напои меня, дай отдохнуть денекъ-другой. Ты увидишь, я теперь буду шелковая, буду слушаться тебя во всемъ.

Якомина вышла изъ терпѣнія.

— Некогда мнѣ тутъ съ тобой балясы точить. Не задерживай меня. Уходи. Мнѣ пора запираить ворота.

— Ты это серьезно, госпожа Якомина?

— Кой чортъ! понятно, не въ шутку. Проваливай, проваливай!

Она вытолкала дѣвушку со двора и заперла ворота.

Жизнь у Якомины была бы адомъ для Аретэ; но у нея въ домѣ она, по крайней мѣрѣ, не зябла и не голодала бы. Теперь и это убѣжище было ей недоступно.

Машинально пошла она снова бродить по улицамъ, завистливо заглядывая въ освѣщенные окна, изъ которыхъ вѣяло уютомъ и довольствомъ. Она рада была бы спугнуть довольство этихъ мирно отдыхавшихъ людей и урвать у нихъ крупицу счастья, но какъ, какъ это сдѣлать? На минуту у нея мелькнула спасительная мысль: что если поднять камень и разбить окно?— можетъ быть, ее тогда снова посадятъ въ тюрьму? Ахъ, Боже! ее просто поколотили бы и прогнали.

Все тише и безлюднѣй становилось на улицахъ; въ домахъ гасили огни. Постепенно стихало пѣніе въ кабакахъ. Только Аретэ, не имѣвшая крова и пріюта, все еще зябла подъ усыпаннымъ звѣздами небомъ. А небо было такое недвижимое, такое чистое и ясное, словно на свѣтѣ не было никакого горя, ни обездоленныхъ, ни безутѣшныхъ, ни голодающихъ, ни отчаявшихся съ исходящимъ кровью сердцемъ. Отъ времени до времени блестящая звѣздочка скатывалась на землю. И гасла скорѣй, чѣмъ успѣваетъ вырваться вздохъ изъ человѣческой измученной груди. Это былъ коварный, напрасно манящій свѣтъ, угасавшій прежде, чѣмъ вы успѣвали погнаться за нимъ. Порой Аретэ казалось, что вотъ-вотъ звѣздочка скатится прямо на нее и разрастется въ факель, который еще укажетъ ей путь въ мирный пріютъ. Или же для

нея загорится новая звѣзда и поведетъ ее за собой, какъ звѣзды восточная вела волхвовъ къ Спасителю. И она будетъ итти за звѣздой, пока та не приведетъ ея въ лоно Дѣвы Маріи.

Неожиданно она услышала возлѣ себя голосъ:

— Куда ты идешь, дитя мое?

Наконецъ! Наконецъ! Осанна!—Аретѣ обернулась и увидала передъ собой высокаго старика съ роскошною сѣдою бородой, въ черномъ, падавшемъ складками таларѣ, какъ у священниковъ.

— Чего ты ищешь такъ поздно на улицѣ? Ступай домой.

Аретѣ смотрѣла на него широко раскрытыми, безумными глазами и не отвѣчала. Священникъ понялъ, что передъ нимъ не счастливая и что надо сперва завоевать ея довѣріе.

— У тебя такіе тревожные глаза. Что тебя мучить?

Аретѣ прошептала, сама не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что она говоритъ:

— Ты архангелъ Михаилъ?

Священникъ усмѣхнулся.

— Что за странный вопросъ! Къ чему ты это?

— Къ чему?—Аретѣ сразу ободрилась. Она такъ давно не слышала ласковаго, добраго голоса и была счастлива, что съ нею опять говорятъ ласково. Это могъ быть только ангелъ.—Къ чему Скажи, вѣдь ты посланъ ко мнѣ Панагіей? Такъ вѣдь?

Старецъ мудро отвѣчалъ:

— Да, сама Панагія послала меня къ тебѣ.

— И ты архангелъ Михаилъ? Не правда ли?

— Да, я архангелъ Михаилъ. О чемъ ты просишь Панагію?

Аретѣ стала на колѣни. Старикъ ласково поднялъ ее.

— Встань. Камни холодны и сыры. Панагія спрашиваетъ тебя чего ты хочешь отъ нея.

— Развѣ Панагія сама не знаетъ этого?

— Да, конечно, знаетъ, но всетаки ты скажи ей вслухъ.

— Я такъ долго искала ее, Панагію, потому что я хочу стать праведной.

— И что же?

— И теперь не въ состояніи больше искать. Я устала такъ что ноги подкашиваются.

Онъ дотронулся до ея пылающаго лба и сказалъ:

— Пойдемъ, я поведу тебя къ Панагини. Только сначала тебѣ надо отдохнуть. Пойдемъ со мной.

Аретѣ пошла за нимъ, не смѣя слова вымолвить, такъ какъ архангелъ Михаилъ молчалъ. Онъ разглядывалъ дѣвушку вѣтромъ, умудреннымъ опытомъ и скорбью, и, должно быть, догады

вался, что съ ней произошло. Онъ видѣлъ, что она больна душой и тѣломъ. Исцѣлять такихъ больныхъ повелѣвало ему его призваніе.

Онъ былъ священникомъ церкви св. Константина, что въ концѣ Ахарнейской улицы, гдѣ городъ ужъ кончается и лишь нѣсколько одинокихъ домиковъ стоятъ особнякомъ средь поля. Прихожанами церкви были почти одни бѣдняки. Онъ десятки лѣтъ прожилъ съ ними и никакая игра судьбы не могла ужъ удивить его.

Самъ онъ жилъ въ бѣдности, почти въ нищетѣ, и порой одѣлялъ хлѣбомъ небеснымъ своихъ прихожанъ въ то время, когда у него самого въ домѣ нехватало хлѣба земного. Низшему греческому духовенству, такъ называемымъ *пападэс*, разрѣшено жениться. Жену онъ ужъ давно похоронилъ, дѣти разбрелись по свѣту, кто куда. И старикъ жилъ одиноко въ церковномъ домикѣ рядомъ съ церковью. Отъ времени до времени къ нему заходила та или другая набожная прихожанка и приводила въ порядокъ его скромное хозяйство. Когда оба они дошли до этого домика, о. Алеко Фотидисъ обратился къ своей спутницѣ съ вопросомъ:

— Давно ты уже нищешь Панагію?

— Сегодня цѣлый день,—робко отвѣчала Аретэ,—и раньше тоже...

— А раньше гдѣ ты была?—осторожно продолжалъ допытываться священникъ.

Аретэ колебалась; затѣмъ шепнула:

— Развѣ Панагія этого не знаетъ?

Старець почувствовалъ, что коснулся незажившей раны, и оборвалъ разговоръ. Потомъ, помолчавъ, спросилъ:

— Навѣрное, ты голодна, разъ ты такъ долго искала. Хочешь, я дамъ тебѣ ѣсть и пить?

Но дѣвушка покачала головой.

— Ёсть и пить я уже не могу. Я слишкомъ ослабѣла. А вотъ уснуть хотѣлось бы. Можно мнѣ здѣсь переночевать?

Онъ повелъ ее въ свою спальню и уложилъ на свою кровать, а самъ устроился, какъ могъ, въ сосѣдней комнатѣ. Аретэ какъ легла, такъ и уснула. А старикъ долго еще раздумывалъ о странныхъ рѣчахъ подобранной имъ на улицѣ дѣвушки и порой ему казалось, что, дѣйствительно, сама Пресвятая Дѣва послала его навстрѣчу этой бѣдняжкѣ. Онъ былъ вѣрующій человекъ и въ судъ видѣлъ только персть Божій. Разъ Небо предопредѣлило ему совершить необычайное, онъ готовъ исполнить волю Госпо-

дню. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ изстрадавшаяся душа пережившая много. Можетъ быть, ему и удастся спасти эту мятущуюся душу... Старикъ долго еще шепталь молитвы, но Аретэ не слыхала его. Она спала крѣпкимъ сномъ, безъ сновидѣній. Иначе она упала бы на колѣни передъ своимъ земнымъ спасителемъ, цѣлуя ему руки.

IV.

Аретэ сидѣла съ о. Алеко за широкимъ столомъ и пила изъ большой фарфоровой чашки теплое молоко. Она была чисто умыта; вмѣсто тюремнаго, на ней было теперь простенькое, но чисто платье, и только матовая блѣдность лица еще напоминала о пережитыхъ ею страданіяхъ. О. Алеко отъ времени до времени поглядываль съ довольнымъ видомъ на свою гостью, но оба сидѣли молча, занятые каждый своими мыслями. Наконецъ, Аретэ тихо сказала:

— И есть же люди на землѣ, милосердные, какъ ангелы небесныя! Нѣтъ, батюшка, скажите правду: вы не архангелъ Михаилъ?

— И люди могутъ быть добры, какъ ангелы, если только они вѣрятъ въ ангеловъ,—улыбаясь, отвѣчалъ отецъ Алеко.—Полно дочь моя, нехорошо задавать такіе вопросы.

Аретэ поцѣловала руку старику и возразила:

— Но братъ Филоеи, навѣрное ужь, изъ небесныхъ воинствъ. Надъ его головой всегда сіяніе изъ солнечныхъ лучей, когда онъ рисуеть Святую Дѣву.

— Ты развѣ видѣла, какъ онъ рисуеть?

— Ну да, видѣла. Часто, почти каждый день, я, какъ только приберу все въ домъ, прокрадываюсь въ церковь и гляжу, какъ онъ рисуеть.

— И онъ знаетъ это?

Аретэ покраснѣла.

— Нѣтъ. Ему и не надо знать. Иначе отъ него отлетѣло бы молитвенное настроеніе. Я всегда стану куда-нибудь въ уголокъ гдѣ ему меня не видать. Это такъ удивительно, что изъ-подъ его рукъ выходитъ Святая Дѣва, какъ живая. Даже жутко смотрѣть. Развѣ можетъ простой человѣкъ написать Панагію?

— Вѣдь онъ же пишетъ?

Аретэ кивнула головой.

— Значитъ, можетъ. Но ты права, дитя мое: это чудо. Ты только не мѣнай ему. Иначе чудо можетъ...

— Такъ мнѣ нельзя больше смотрѣть?—испуганно перебила она.

— Нѣтъ, отчего же, если тебѣ это доставляетъ удовольствіе. Но только смотри, чтобъ онъ тебя не увидалъ, пока рисуетъ. Такъ будетъ лучше.—Старикъ всталъ и протянулъ на прощаніе руку своей питомицѣ.

— Я хочу пройтись немного—солнышко свѣтитъ такъ ласково. А ты что будешь дѣлать?

При послѣднихъ словахъ онъ испытующе заглянулъ въ глаза Аретѣ. Она смутилась, снова покраснѣла и не сразу нашлась отвѣтить. Потомъ пролепетала:

— Я?... что буду дѣлать? Я еще не знаю. Мнѣ бы очень хотѣлось еще посмотрѣть, какъ онъ рисуетъ Панагію. Вчера онъ началъ писать золотой вѣнчикъ вокругъ Ея головы. Если это те грѣхъ...

— Если ты смотришь *только* на Панагію, это не грѣхъ,—скалъ отецъ Алеко.

— Иной разъ у меня слезы выступаютъ на глазахъ,—такъ пристально я смотрю въ Панагію и не могу наглядѣться.

— Тогда иди къ Ней. Это можетъ только освятить тебя.

— Освятить?—Аретѣ нѣсколько разъ перекрестилась.

— Я хотѣла бы стать святой, какъ...—Но старикъ священникъ схнулъ ей рукой и быстро вышелъ.

Когда сострадательная рука ея новаго друга подняла Аретѣ вывела ее на прямой путь жизни, миръ и покой снизошли въ я душу. Глаза ея съ любопытствомъ, какъ у новорожденнаго младенца, широко раскрылись на Божій міръ, и душа воспрянула. Впервые въ жизни она увидала, какъ хорошо жить человѣку въ святости, и всей душою прилѣпилась къ кроткому, ласковому сарику, доброта котораго очищала и возвышала ее. Ей не стоило никакого труда стать послушной и смиренно покоряться его волѣ.

Она была подготовлена: отъ желанія и стремленія она только перешла къ исполненію. Теперь ей казалось, что перстъ Божій съ самаго начала руководилъ ею. И она была благодарна, какъ ребенокъ. Но все же порою ей становилось грустно. Переходъ въ святости она представляла себѣ болѣе яркимъ, болѣе блестящимъ и красивымъ. И ей казалось, что это—лишь начало, первая ступень, съ которой она потомъ вознесется выше, въ золотое царство праведности, но такихъ мыслей она не смѣла высказать вслухъ. И если порою онъ прорывались наружу дерзкимъ словомъ, о. Алеко принимался, какъ всегда, ласково и разумно

уговаривать ее. Онъ не говорилъ: нѣтъ, не убивать ея надеждъ, но и не общалъ, что онѣ сбудутся. Онъ всегда былъ таинственъ и, пожалуй, чутьчку черезчуръ холоденъ. Аретэ сама не знала, какъ ей заполнить этотъ пробѣлъ своего существованія, но вѣрила, какъ вѣрятъ только спасенные, уже испытавшіе на себѣ благодатное дѣйствіе чуда.

Собственно, ей казалось, что она лишь задержалась немного на перепутьѣ по дорогѣ къ небу. Только для того, чтобы стать ближе къ Пресвятой, крѣпче прильнуть къ лону Ея, она приняла мѣсто служанки, предложенное ей о. Алеко. Но старикъ относился къ ней, не какъ къ служанкѣ; онъ обращался съ ней, какъ съ дочерью, былъ съ ней ласковъ и нѣжно заботился о ней. Онъ сталъ учить Аретэ, выучилъ ее читать. И когда божественное слово, простое и внятное, стало доступно ея собственнымъ очамъ, дѣвушка вся ушла въ свои мечты.

Прежде чѣмъ взять въ руки Евангеліе, она всегда благоговѣйно прикладывалась къ нему и лучшія мѣста заучивала наизусть—тѣ, гдѣ говорится о вѣчной благодати, о пылкомъ раскаяніи Магдалины, о страдальческомъ крестномъ пути Спасителя на Голгоу, о плачѣ Маріи надъ гробомъ ея возлюбленнаго Сына.

Однажды о. Алеко привелъ къ обѣду гостя—монаха Филоея съ святой Аѳонской горы. Аретэ прислуживала обоимъ и напряженно вслушивалась въ ихъ бесѣды о высокомъ, о Пречистой Дѣвѣ Маріи. Филоей затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы написать Ея образъ въ церкви св. Константина.

Съ этого дня Аретэ не знала покоя,—такъ жаждала она увидать рожденіе Панагіи на полотнѣ. Украдкою она ходила въ церковь, невидимая, изъ угла, слѣдила за художникомъ и не могла оторвать глазъ. Вотъ и сегодня она поспѣшила окончить уборку и запереть домъ, чтобы пойти въ церковь св. Константина.

Братъ Филоей стоялъ на подмосткахъ, сооруженныхъ для того, чтобъ ему удобнѣе было писать на свѣту. Аретэ, какъ всегда, спряталась за скамью, но такъ, что зоркимъ очамъ ея былъ виденъ каждый мазокъ его кисти. Отъ времени до времени Филоей отходилъ немного назадъ или въ сторону, чтобы лучше разглядѣть свою работу. Тогда Аретэ видна была часть его лица, бѣлаго и благородно очерченнаго, обрамленнаго густою черной бородой. Дѣвушка монахъ представлялся посланникомъ небесъ, сошедшимъ на землю лишь для того, чтобы воочію явить предъ человѣческой душой образъ Пречистой. Она не могла понять, какъ изъ-подъ рукъ простого смертнаго можетъ выйти такой небесный образъ, сотканный изъ свѣта и красокъ.

Картина была почти закончена. Святая Дѣва была облечена въ пышныя пурпурныя одежды, возсѣдала на тронѣ изъ слоновой кости, и ноги Ея прикрывали богато вышитыя ткани. Оставалось только увѣнчать сияніемъ Ея чело. Голова Богоматери уже была окружена золотымъ вѣнчикомъ, изъ котораго теперь должны были брызнуть снопы лучей...

Филоею сдѣлалъ перерывъ въ работѣ, слѣзъ съ подмостковъ и присѣлъ на скамью. Теперь Аретэ отчетливо видна была вся картина, не заслоняемая фигурой художника, которому она иной разъ пыталась заглянуть въ глаза, чтобы подглядѣть въ нихъ печать благодати. И вся душа ея устремилась къ Пречистой. Она разглядывала тоненькія голубыя жилки на рукахъ Богоматери и думала о томъ, какимъ блаженствомъ было бы, если бы Марія могла съ любовью коснуться устами ея лба—умереть можно отъ такого блаженства. И постепенно она забыла все на свѣтѣ...

На время она замерла въ безмолвномъ созерцаніи. Затѣмъ поднялась, подошла къ картинѣ, стала у ея подножія, распростерла руки и запѣла громко, ликующе:—Аллилуія, сладчайшая Дѣва Марія! Аллилуія!

Одинокій голосъ гулко пронесся подъ церковными сводами, нѣсколько разъ повторившими слово: Аллилуія. Филоею былъ такъ пораженъ неожиданнымъ видѣніемъ, что первая мысль его была о наважденіи, о волшебствѣ. Но тотчасъ же взоръ его—взоръ художника—приковался къ этой замершей въ экстазѣ красотѣ.

Солнечный свѣтъ, пробиваясь сквозь цвѣтныя стекла церковныхъ оконъ, тысячью пестрыхъ бликовъ игралъ на склоненной головѣ дѣвушки. Одухтворенныя молитвой черты ея казались преобразенными въ этомъ дрожащемъ свѣтѣ. Глаза были закрыты, и лицо было лицомъ ясновидицы, уже прозрѣвающей тайны вѣчности. Послѣ нѣсколькихъ минутъ восторженнаго созерцанія Филоею подошелъ къ Аретэ и сказалъ:

— Останься такъ. Ты такъ прекрасна! Такъ слѣдовало бы написать Святую Дѣву.

Аретэ не уловила смысла его рѣчи, была только испугана словами. Она совсѣмъ растерялась отъ стыда и волненія и хотѣла бѣжать. Но художникъ удержалъ ее.

— Что съ тобою?—допытывался онъ.—Что на тебя вдругъ нашло? Ты стояла, какъ...

— Какъ что?—пролепетала Аретэ, усиливаясь говорить спокойно.

— Какъ молящаяся Папагія.

Она вздрогнула.

— Какъ такъ? Развѣ есть разныя?...

Она не замѣчала, что монахъ все пристальнѣе вглядывается въ ея лицо и что въ немъ зрѣеть рѣшеніе, о которомъ онъ пока умалчиваетъ. Чтобъ не запугать еще больше дѣвушки, онъ продолжалъ наставительно:

— Для живописца, изображающаго Святую Дѣву, есть нѣсколько Мадоннъ: возсѣдающая на тронѣ, кормящая Младенца, молящаяся...—И вдругъ перебилъ самъ себя:—Я и хочу изобразить молящуюся, какъ я только что видѣлъ ее. Хочешь быть моей моделью? Я напишу съ тебя молящуюся Мадонну. Не уходи же. Чего ты такъ боишься?

— Чего вы хотите? Писать съ меня Панагію? Съ меня?!

— Ты не хочешь?

Она вся дрожала.

— Я такая грѣ...—Она не въ силахъ была выговорить самоуничтожающаго слова. Какъ будто кто-то властно удержалъ ее.

Застѣнчиво она спросила:

— Неужели я могу помочь вамъ въ изображеніи молящейся Панагіи?

Филоеѣй обрадовался, не встрѣтивъ рѣзкаго отпора.

— Можешь, если только захочешь. Погоди минутку.

Онъ взлѣзъ на подмости, взялъ большую кисть и замазалъ сѣрой краской всю свою картину.

— Что вы дѣлаете?—испуганно вскрикнула Аретѣ.—Марія на-кажетъ васъ за такую дерзость. Вѣдь вы все, все испортили!

Серьезно и убѣжденно Филоеѣй отвѣтилъ:

— Не беспокойся. Панагія сама будетъ довольна. Я нарисую лучшую картину. Только ты пой Ей благоговѣйно аллилуйя. Она благословитъ насъ.

Словно молнія озарила вдругъ передъ Аретѣ всю ея прошлую жизнь, полную грѣха. И на нее напалъ безумный страхъ, что послѣ такого возвеличенія она потомъ упадетъ еще ниже. Ей казалось, что слишкомъ скоро для нея открылась лѣстница, ведущая на небо, и она стояла, растерянная, вся дрожа. Для нея было бы великимъ счастьемъ увидать себя изображенной въ видѣ Панагіи, но самая мысль объ этомъ представлялась ей смертнымъ грѣхомъ. Ахъ, если-бъ она была незапятнанно чиста, если-бъ ей не надо было ничего искупать долгимъ покаяніемъ, тогда она съ гордо поднятою головой стала бы передъ братомъ Филоеѣемъ, чтобъ онъ возвеличилъ ее, увѣковѣчивъ ея земной обликъ въ образѣ Панагіи. Но теперь ей надлежало отказаться и не печա-

литься о томъ. И только еще усерднѣе, еще настойчивѣе творить дѣло покаянія и очищенія,—и тогда, быть можетъ, послѣ долгаго, долгаго страстнаго томленія въ этой земной юдоли...

— Отчего ты такъ безмолвна и удручена? Ты не хочешь помочь мнѣ?

— Я не могу,—сокрушенно отвѣтила Аретэ.—Вы не знаете, какъ... это грѣхъ будетъ меня изобразить въ видѣ Пресвятой Дѣвы Филоеи усмѣхнулася.

— Нѣтъ, дочь моя, не бойся. Грѣха въ томъ нѣтъ, и Святая Дѣва взираетъ на это благосклонно.

„Святая Дѣва взираетъ на это благосклонно...“, повторила въ душѣ Аретэ. И дивная надежда осѣнила ея душу. А можетъ быть, Марія уже теперь забыла грѣхъ ея и даруетъ ей прощеніе. Чтобъ убѣдиться въ этомъ окончательно, она спросила:

— Вы увѣрены, что Панагія не прогнѣвается на такое мое дерзновеніе?

— Наоборотъ,—отвѣтилъ Филоеи,—Она приметъ это, какъ благочестивый даръ и услугу съ твоей стороны.

— Въ такомъ случаѣ, пишите меня,—быстро и увѣренно говорила Аретэ.

Аеонскій монахъ сошелъ съ подмостковъ и, какъ бы благословляя, возложилъ руки на голову дѣвушки. И при этомъ слегка вздрогнулъ. Навѣрное, лишь потому, что онъ былъ взволнованъ мыслью обрѣсти милость у Владычицы. Ибо онъ былъ человѣкъ восторженный, поклонникъ красоты, но въ то же время аскетъ.

Ему шелъ уже тридцать пятый годъ, но онъ свято хранилъ вѣрность монашескимъ обѣтамъ. Испушенія представлялись ему на каждомъ шагу, ибо очи его были созданы для того, чтобъ упиваться красотой міра, а желанія должны были оставаться чистыми. Онъ приучилъ себя услаждать лишь очи свои тѣмъ, въ чемъ отказывалъ прочимъ чувствамъ: онъ былъ настоящий, боговдохновенный иконописецъ, воспринимавшій все прекрасное лишь для того, чтобъ изъ него создать ореолъ божественному. Онъ говорилъ:

— Да благословить тебя и сохранить тебя Господь, да просвѣтитъ Онъ лицо твое и дастъ тебѣ...—На мигъ онъ запнулся и закончилъ молитву, умышленно измѣнивъ древній текстъ:—Да просвѣтитъ Онъ лицо твое и дастъ тебѣ красоту!

Онъ принялъ руки. Аретэ нагнулася и смиренно поцѣловала край его одежды. Не препятствуя ей, онъ сказалъ:

— Если хочешь, мы можемъ начать завтра же. А сегодня оставь меня одного. Я хочу подумать о своей работѣ.

Она склонилась передъ нимъ и молча ушла. Онъ крикнулъ ей вслѣдъ:

— До завтра.

V.

Отцу Алеко часто бывало не по себѣ, и лицо у него становилось озабоченнымъ, когда Аретэ рассказывала ему о своихъ прогулкахъ съ братомъ Филоеемъ. Онъ чутко прислушивался къ звуку голоса дѣвушки, чтобы по немъ узнать, чиста ли ея совѣсть, или у нея есть что-нибудь на душѣ. И только головой качалъ, когда братъ Филоею разсказывалъ ему объ удивительныхъ достоинствахъ своей модели. Онъ не увѣренъ былъ, что эти двое не испытываютъ сладостнаго чувства, оставаясь наединѣ, но ни разу не рѣшился даже намекнуть о своихъ страхахъ и сомнѣнiяхъ.

Довѣрiе было лучшимъ качествомъ его души, нерѣдко служившимъ ему въ жизни надежной опорой. Онъ боялся даже и самымъ деликатнымъ вопросомъ разжечь таившуюся искру въ пламя. И потому молчалъ.

Аретэ и Филоею въ вечернiе часы начинавшася лѣта нерѣдко гуляли вмѣстѣ. Монахъ показывалъ дѣвушкѣ памятники древности. Аеонскiе монахи обыкновенно мало знаютъ объ этой славной древности, ибо считаютъ болѣе угоднымъ Богу служить Ему въ простотѣ сердца и въ духовной нищетѣ, какъ велитъ Писанiе. Но Филоею зналъ удивительныя вещи о блескѣ древнихъ Аѳинъ. Безмолвная красота мраморныхъ сокровищъ Перикла оплодотворяла его творческое воображенiе. Онъ умѣлъ находить пищу для раздумья вѣрующаго христiанина въ изображенiяхъ языческихъ боговъ и памятники невѣрiя одухотворялъ кровью христiанскихъ мучениковъ. Въ одиночествѣ монастырской кельи онъ научился переносить весь пылъ своего чувства на Священное Семейство, на Отца, Сына и Святаго Духа, на Марiю и святыхъ, жизнью и смертью своей свидѣтельствовавшихъ о славѣ Господней. Вѣрнымъ ученикомъ отрекшася отъ мiра, стремящася къ вѣчности своего учителя Панселиноса онъ подходилъ къ творенiямъ мастеровъ, которые всѣми фибрами своего существа жаждали земного и были привязаны къ земному. И изъ этихъ двухъ мiровъ творилъ третiй, свой собственный, посланникомъ котораго охотно мнилъ себя.

— Наши предки,—говорилъ Филоею внимательно слушавшей его спутницѣ,—брали солнечный свѣтъ изъ глубины своего сердца, къ намъ онъ нисходитъ свыше, изъ созвѣздiй.

Аретэ, все понимавшая буквально, возразила:

— Развѣ не прекраснѣе всѣхъ свѣтовъ тотъ, который исходитъ изъ глубины нашего собственного сердца?

Филоеѣй усмѣхнулся про себя и отвѣтилъ:

— Знаешь ли ты, что ты сейчасъ сдѣлала? Ты согрѣшила.

Аретэ испугалась.

— Согрѣшила?

— Наши предки были язычниками. Ихъ солнце было грѣхомъ.

Дѣвушка было не по себѣ въ этомъ кругу чуждыхъ ей мыслей. Она не могла освоиться съ ними, и ей хотѣлось перевести разговоръ на другую тему. Поэтому она отвѣжала въ сторону, на краю дороги сорвала дикую розу и подала ее монаху, говоря:

— Она беретъ солнечный свѣтъ отъ созвѣздіи и приноситъ его въ сердца.

Филоеѣй молчалъ. Но про себя мыслилъ: „чудо Божье“. И при этомъ самъ не рѣшился бы сказать, подразумѣваетъ ли онъ цвѣтокъ или дѣвушку. Помолчавъ, онъ возвратилъ Аретэ розу со словами:

— Воткни ее себѣ въ волосы—я хочу посмотрѣть, какой видъ будетъ у тебя съ этимъ цвѣткомъ.

Аретэ вся облилась румянцемъ и медлила. Потомъ спросила:

— Развѣ можно?

На мигъ этотъ вопросъ поразилъ монаха; ему показалось, что голосъ свыше предостерегалъ его отъ какой-то невѣдомой опасности. Но тотчасъ же онъ возразилъ:

— Почему же нѣтъ?

И Аретэ воткнула розу въ волосы.

Онъ шелъ съ ней рядомъ и не смѣлъ взглянуть на нее. Немного погодя онъ выговорилъ:

— Панагію слѣдовало бы писать въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ на головѣ, а не въ вѣнцѣ изъ самоцвѣтныхъ камней.

Это слово и мысль о своей работѣ вернули ему самообладаніе. Онъ попросилъ Аретэ остановиться и отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, чтобы яснѣй представить себѣ задуманный образъ. Потомъ объявилъ:

— Я напишу Панагію съ душистыми цвѣтами въ волосахъ. Она будетъ довольна нами.

Аретэ ужъ не удивилась. Она перестала сомнѣваться и только сказала просто:

— Вы чудотворецъ.

Онъ возразилъ:

— Я только человѣкъ. Спаситель можетъ творить еще и не такія чудеса.

— Еще большія? А вы знаете что-нибудь о Его чудесахъ? Расскажите мнѣ, какія Онъ великія чудеса творилъ.

— Ангелы поютъ откровенія небесныя пребывающимъ въ любви Его.

— Кто же пребываетъ въ любви Его?

— Святые.

— Святые?—прошептала Аретэ.—И я хочу пребыть въ любви Его, вѣдь и я хочу стать святой. Расскажите, ахъ, расскажите мнѣ о чудесахъ, которыя творить Спаситель надъ тѣми, кого возлюбилъ Онъ.

Филоеѣй сталъ рассказывать:

— Святая Адельгунда, привязанная къ сухому дереву, томилась голодомъ и жаждой. И вотъ, на изсохшемъ стволѣ выросли сочные плоды и утолили ея голодь и жажду. Спаситель давалъ коршунамъ соловьиные голоса, чтобы воспѣвать хвалу Ему, Онъ погасилъ костеръ, разложенный вокругъ святой Агаты и се: изъ пламени выросли бѣлыя буквицы—ключи царства небеснаго.

— Ахъ!—простонала Аретэ,—надо мною Онъ не совершить такого чуда. Я такъ долго, такъ долго отрекалась отъ Него, не хотѣла знать Его.

Монахъ, самъ очарованный своимъ рассказомъ о судьбахъ святыхъ, продолжалъ успокоительно:

— Кто не идетъ къ Богу, къ тому Богъ Самъ приходитъ. Святому Альберту голубь принесъ просфору, когда онъ возжелалъ ее.

— Ахъ!—зарыдала Аретэ,—а я такъ долго не хотѣла причащаться, презирала святое причастіе.

— И о такихъ Онъ позаботился,—возразилъ монахъ.—Святой Афрѣ поручено ободрять даже падшихъ.

— Даже падшихъ!—повторила Аретэ. И, уже немного ободренная, спросила:—А можетъ ли Онъ простить, когда человѣкъ...

И вдругъ, усомнившись снова, оробѣла и умолкла.

— Что удручаетъ тебя?—кратко спросилъ Филоеѣй.—Почему ты вдругъ такъ смутилась и оробѣла?

Аретэ снова начала:

— Я хотѣла однажды...—и вновь умолкла, не докончивъ исповѣди. И только плакала, вся дрожа отъ страха и волненія.

Филоеѣй еще не понималъ причины этого волненія. Онъ только заподозрѣлъ, что у Аретэ есть тяжкій грѣхъ на совѣсти. И, взявъ ее за руку, сказалъ сострадательно и кратко:

— Говори же. Если ты хочешь покаяться и снять тяжесть съ души своей, настало время.

Аретэ снова ободрилась.

— Я хотѣла... отравить человѣка,—выговорила она почти беззвучно.

Филоеѣй отшатнулся.

— Ты съ ума сошла?

— Чего ты? Развѣ это такой грѣхъ, котораго нельзя простить?—настанвала Аретэ, цѣпляясь за рясу испуганнаго монаха.

Онъ быстро овладѣлъ собой.

— Это правда? Истинная правда?

Аретэ кивнула головой.

— Ты должна искупить этотъ грѣхъ, тяжкимъ страданіемъ искупить.

— Я уже искупала,—глухо простонала Аретэ.—Пять лѣтъ, пять долгихъ лѣтъ въ неволѣ за одну минуту, когда я насытила свою месть. Тяжкимъ страданіемъ я искупала этотъ грѣхъ и не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью, до тѣхъ поръ, пока архангелъ Михаилъ не принялъ меня подъ крыло свое.

Филоеѣй слушалъ и начиналъ понимать, что передъ нимъ заблудшая душа, которая ощупью выбралась вновь на правый путь. Онъ понялъ, что было бы тяжкимъ грѣхомъ отнять у нея опору. И въ то же время его радовало раскаяніе дѣвушки, прорвавшееся такимъ искреннимъ, безудержнымъ порывомъ, какъ будто передъ нею, дѣйствительно, былъ исповѣдникъ, который можетъ вязать и разрѣшать. Да, разрѣшать и отпускать грѣхи. Онъ охотно передъ цѣлымъ свѣтомъ взялъ бы на себя ея вину и ввелъ ее въ обитель праведныхъ. Вѣдь каждую измученную человѣческую душу онъ любитъ и жалѣетъ, и радъ утишить ея боль, пролить бальзамъ на ея раны. Почему же ему не любить своей модели, съ которой онъ рисуетъ Панагію, какъ онъ любитъ другихъ людей? Кто любитъ человѣка, жаждущаго любви, тотъ вдвойнѣ заслужилъ передъ Господомъ. И въ книгѣ Небесной Хвалы имя его будетъ вписано золотыми буквами. И за Аретэ онъ, Филоеѣй, также попадетъ въ эту книгу.

Тѣмъ временемъ Аретэ мучительно ждала, что Филоеѣй даруетъ ей благодать прощенія. Ей казалось, что не найдетъ она полного облегченія, пока онъ не выскажетъ своего приговора.

И когда онъ сказалъ:

„Ты искупила свой грѣхъ, дитя, искупленіе твое угодно Богу; теперь ты смѣешь надѣяться“,—вся душа ея возликовала. Ей мнилось: сама Пречистая сходить съ небесъ, простираетъ къ ней

руки и привлекаетъ ее къ Себѣ на грудь съ горячей материнской любовью. И было это чувство мощное, гнетущее и въ то же время властно поднимающее.

До этого Аретэ вѣдь и не знала, что такое любовь. Въ ней жило лишь смутное представленіе о райской жизни, гдѣ каждый человѣкъ смотритъ на ближняго своего взоромъ любовнымъ и участливымъ, а не жаднымъ, жестокимъ и похотливымъ, не карающимъ и ненавидящимъ. Она заставила себя ясно и открыто посмотрѣть прямо въ очи брату Филоею. И даже при этомъ высоко поднять голову, такъ какъ она уже не чувствовала себя раздавленной: на душѣ у нея было свободно и легко.

Филоею съ улыбкой встрѣтилъ ея взглядъ и молвилъ:

— Я напишу съ тебя Панагію съ душистыми цвѣтами въ волосахъ.

Перев. З. Журавская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)